

Верёвочка / новелла

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Верёвочка / новелла VEREVCHKA

Гарри Алису

В Годервиле был базарный день, и туда, заполняя все дороги, двигались крестьяне с женами. Мужчины мерно шагали, подаваясь всем корпусом вперед при каждом движении длинных кривых ног, изуродованных тяжелыми работами. Изнурительный крестьянский труд отразился на всем их облике: от налегания на плуг согнулся позвоночник, а левое плечо поднялось выше правого; от косьбы искривились колени. На мужчинах были синие блузы, накрахмаленные до блеска, как будто покрытые лаком; по обшлагам и по вороту шел незатейливый узор, вышитый белыми нитками. На их костлявом туловище блуза эта топорщилась и походила на готовый улететь воздушный шар, из которого торчали голова, руки и ноги.

Крестьяне вели на веревке кто корову, кто теленка. А жены их шли позади скотины и, подгоняя ее, хлестали по бокам свежесрезанными ветками, с которых еще не опала листва. На руках у женщин висели широкие корзины, и оттуда то и дело высывались головы цыплят либо уток. Шли они более мелкими и быстрыми шагами, чем их мужья; их тощие плечи были окутаны коротенькой узкой шалью, заколотой булавкой на плоской груди; голову прикрывала белая косынка, туго стягивавшая волосы, а поверх был надет чепец.

Иногда проезжал шарабан, лошаденка бежала неровной рысцей, и от этого как-то чудно раскачивало двух мужчин, сидевших рядом, и женщину позади них, которая держалась за край шарабана, чтобы ослабить резкие толчки на ухабах.

На площади Годервиля была невозможная давка, толчея, скопище людей и животных. Рога быков, мохнатые шляпы богатых крестьян: чепцы крестьянок словно парили над толпой. Крикливые, пронзительные визгливые голоса сливались в непрерывный дикий

гам, а временами его покрывал зычный возглас, вырвавшийся из мощной груди подвыпившего крестьянина, или протяжное мычание коровы, привязанной где-нибудь у забора. От толпы шел смешанный запах хлева, молока и навоза, сена и пота, едкий, неприятный запах скотины и человека, присущий жителям деревни. Дядюшка Ошкорн из Бреоте только что пришел в Годервиль и направился на площадь, как вдруг заметил на земле небольшой кусок веревки. Дядюшка Ошкорн – скопидом, как истый нормандец, подбирал все, что может пригодиться в хозяйстве; он страдал ревматизмом и потому наклонился с трудом. Подняв валявшийся на земле обрывок веревки, он уже намеревался было заботливо свернуть его, как вдруг увидел, что на пороге своего дома стоит шорник Маланден и смотрит на него. Они когда-то давно поссорились из-за недоуздка, да так и не помирились, так как были оба злопамятны. Дядюшка Ошкорн был смущен, что его недруг видел, как он рылся в грязи, поднимая бечевку. Он поспешно спрятал находку за пазуху, потом переложил ее в карман штанов и стал шарить по земле, делая вид, будто еще что-то ищет, но не находит. Затем побрел в сторону базара, вытянув вперед шею, сутулясь от боли. Он сразу затерялся в колыхавшейся крикливой толпе, возбужденной нескончаемым торгом. Крестьяне щупали коров, отходили, возвращались в нерешительности, боясь, как бы их не надули, не могли отважиться на покупку, подозрительно поглядывали на продавца, изо всех сил стараясь разгадать, в чем хитрость человека и изъян животного.

Женщины поставили у ног большие свои корзины, вытащили оттуда свой товар; теперь птицы лежали неподвижно со связанными лапками, поглядывая испуганными глазами, а гребешки алели на земле.

Крестьянки сухо и бесстрастно выслушивали предлагаемую цену, долго не шли на уступки и, вдруг решившись сбавить, кричали вдогонку медленно удалявшемуся покупателю:

– Будь по-вашему, кум Антим! Берите!

Постепенно площадь пустела, и в полдень, когда в церкви зазвонили к молитве богородице, все приехавшие издалека отправились в трактир обедать.

Большая зала у Журдена была переполнена посетителями, а

обширный двор — всякого рода повозками: здесь стояли тележки, кабриолеты, шарабаны, тильбюри, невиданные двуколки; пожелтевшие от глины, погнутые, заплатанные, они то поднимали оглобли к небу, точно руки, то стояли, уткнувшись дышлом в землю, кузовом вверх.

Как раз напротив посетителей, разместившихся вокруг стола, ярким пламенем горел громадный очаг и обдавал жаром спины гостей, сидевших направо. Над очагом вращались три вертела, на которых были густо нанизаны цыплята, голуби, бараньи окорока; от заманчивого запаха жареного мяса и мясного сока, стекавшего по зарумянившейся корочке, у присутствующих текли слюнки и на душе становилось веселее.

Вся сельская знать обедала здесь, у ловкого пройдохи кума Журдена, трактирщика и барышника, у которого водились денегки. Блюда подавались и опустошались, как и жбаны с золотистым сидром. Гости беседовали о делах, о покупках и продажах. Говорили о видах на урожай: для кормов погода хороша, а для хлебов надо бы поменьше дождей.

Вдруг во дворе перед домом затрещал барабан. Кроме нескольких равнодушных, все сразу вскочили и бросились к дверям и окнам с еще набитым ртом и с салфетками в руках.

Отбарабанив, сельский глашатай стал отрывисто выкрикивать, делая нелепые паузы:

— Доводится до сведения жителей Гюдервиля и вообще... всех присутствующих на базаре... что сегодня утром на Безевильской дороге между... девятью и десятью часами... потерян черный кожаный бумажник, в котором... было пятьсот франков и документы. Находку просят немедленно... доставить... в мэрию или же вернуть Фортюне Ульбреку из Манневиля. Будет дано... двадцать франков вознаграждения.

Глашатай ушел. Еще раз, уже издали, донеслась барабанная дробь и его отрывистые выкрики.

Все засуетились, начали судачить о случившемся и гадать, повезет ли дядюшке Ульбреку, найдется ли его бумажник.

Обед закончился.

Когда гости допивали кофе, на пороге залы появился жандармский бригадир.

Он спросил:

– Гражданин Ошкорн из Бреоте здесь, в зале?

Дядюшка Ошкорн, сидевший на другом конце стола, ответил:

– Я тут.

Бригадир продолжал:

– Гражданин Ошкорн, прошу вас следовать за мной в мэрию. Господин мэр желает с вами побеседовать.

Удивленный и встревоженный крестьянин одним глотком опорожнил свой стаканчик, поднялся и, еще больше сгорбившись, чем утром, – ему всегда были особенно трудны первые шаги после передышки, – собрался в путь, повторяя:

– Я тут! Я тут!

И пошел за бригадиром.

Мэр ждал его, сидя в кресле. Это был местный нотариус, человек тучный, важный, любитель витиеватых фраз.

– Господин Ошкорн, – сказал он, – сегодня утром люди видели, как вы подняли на Безевильской дороге бумажник, утерянный Ульбреком из Манневиля.

Озадаченный крестьянин смотрел на мэра, испугавшись выдвинутого против него обвинения, не понимая, откуда оно взялось.

– Это я, я поднял бумажник?

– Да, именно вы.

– Честное слово, знать ничего не знаю!

– Люди видели.

– Кто же это меня видел?

– Шорник Маланден.

Тогда старик вспомнил, понял и покраснел от гнева.

– Ах, он видел, нахал этакий! Да ведь видел-то он, как я поднял веревочку, вот она, посмотрите, господин мэр!

И, порывшись в кармане, он вытащил оттуда обрывок веревки.

Мэр недоверчиво покачал головой.

– Никогда не поверю, гражданин Ошкорн, чтобы господин Маланден, человек положительный, принял эту веревочку за бумажник!

Взбешенный крестьянин сплюнул в сторону, поднял руку, как бы присягая в своей честности, и повторил:

– Ей-богу, вот вам крест, истинная правда! Чем хотите поклянусь, господин мэр!

Мэр продолжал:

– Подняв вышеназванный предмет, вы еще долго рылись в грязи, искали, не закатились ли куда-нибудь монеты...

У старика захватило дух от страха и негодования.

– Такое сказать! Такое сказать, оболгать, оклеветать честного человека! Такое сказать!

Но сколько он ни оправдывался, ему не верили.

Устроили очную ставку с Маланденом; шорник повторил и подтвердил свое обвинение. Они переругивались битый час. Ошкорна обыскали по его просьбе и ничего не нашли.

Мэр был сильно озадачен и, наконец, отпустил Ошкорна, предупредив, что уведомит прокуратуру о случившемся и будет ждать распоряжений.

Новость быстро облетела городок. Когда старик выходил из мэрии, его окружили и стали расспрашивать – одни из сочувствия, другие, желая позубоскалить, но все одинаково добродушно и безобидно. Старик принялся рассказывать свою историю о веревочке. Ему никто не верил. Его подымали на смех. По дороге к нему подходили знакомые, расспрашивали его, и он без конца повторял свой рассказ, клялся, что его оклеветали, выворачивал наизнанку карманы, показывая, что они пусты.

В ответ он слышал:

– Рассказывай, старый плут!

Он сердился, волновался, горячился, приходил в отчаяние, не знал, как ему избавиться от подозрения, и всем повторял историю о веревочке.

Наступил вечер. Надо было отправляться домой. Он пошел с тремя соседями, показал им место, где поднял обрывок бечевки, и всю дорогу говорил только о случившемся.

Придя домой, в тот же вечер он обошел всю деревню Бреоте и поспешил всех осведомить о своей беде, но никто ему не верил.

Ночью он расхворался от волнений.

На следующий день, в первом часу дня, Мариус Помель, работник с фермы дядюшки Бретона из Имовиля, принес Ульбреку из Манневиля его бумажник со всем содержимым.

Помель утверждал, что нашел этот бумажник на дороге; не умея читать, он принес его домой и отдал своему хозяину.

Весть об этом распространилась по всей округе, дошла и до дядюшки Ошкорна. Тот обрадовался и тотчас же отправился повторять всем свою историю с добавлением развязки. Теперь он торжествовал.

— Понимаете вы, не самая напасть меня тяготила, а вранье. Хуже нет, как тебя оболгут понапрасну!

Весь день он только и говорил о своем приключении, рассказывал о нем всем прохожим на дороге, в кабачках — посетителям, в воскресенье на паперти — прихожанам. Останавливал незнакомых, рассказывал и им. Правда, он несколько успокоился, но все же что-то смутно тревожило его. Слушая его, все как будто подсмеивались. Казалось, никого он не убедил в своей правоте. И чудилось ему, что за спиной о нем злословят.

На следующей неделе, во вторник, он отправился в Годервиль на базар, нарочно, чтобы рассказать о случившемся.

Маланден, который стоял у ворот своего дома, увидя его, расхохотался. Почему бы?

Дядюшка Ошкорн пристал к одному фермеру из Крикетто, но тот, не дослушав, хлопнул его по животу, крикнув прямо в лицо:

— Ладно, ладно, старый плут! — И повернулся к нему спиной.

Дядюшка Ошкорн был крайне поражен и совсем разволновался. Почему тот обозвал его «старым плутом»?

В трактире у Журдена за обедом он принялся объяснять, как было дело. Тогда барышник из Монтевиля крикнул ему:

— Будет тебе, старый ловкач, знаем мы твою веревочку!

Ошкорн пробормотал:

— Ведь бумажник-то нашелся.

— Помалкивай, отец, один нашел, другой подкинул. И все шито-крыто.

Крестьянина будто обухом по голове ударило. Наконец-то ему все стало ясно! Его обвиняли в том, что бумажник был подкинут его помощником, его сообщником!

Он открыл рот, хотел было возразить, но все сидевшие за столом захохотали.

Не окончив обеда, он встал из-за стола и ушел под градом насмешек.

Домой он вернулся сконфуженный, возмущенный, вне себя от гнева, удрученный, особенно еще и потому, что по свойственному нормандцам лукавству и хитрости был вполне способен выкинуть такую ловкую штуку да вдобавок похвастаться ею при случае. Хитрость его была всем известна, и он смутно сознавал, что не в силах будет доказать свою невиновность. А несправедливость подозрения тяготила его.

И он снова рассказывал о происшедшем, каждый день удлиняя свой рассказ, добавляя все новые и новые доводы, все более убедительные возражения, клятвы его звучали все торжественнее, — все это он придумывал и подготавливал на досуге; его ум был всецело занят историей о веревочке. Чем сложнее и хитроумнее были его оправдания, тем меньше ему верили.

— Это все вранье, — говорили за его спиной.

Он чувствовал всеобщее недоверие, изводился, надрывался от бесплодных усилий и таял на глазах.

А шутники, забавляясь, заставляли дядюшку Ошкорна без конца рассказывать о веревочке, как поощряют солдат без устали хвастаться своими подвигами на войне. Потрясенный рассудок бедного нормандца угасал.

В конце декабря он слег.

В начале января старик умер; в предсмертном бреду он все еще доказывал свою невиновность, твердя:

— Веревочка... маленькая веревочка... да вот же она, господин мэр!

* * *

Напечатано в «Голуа» 25 ноября 1883 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод А. Ясной. Neкаýalar